

Заключение
или
об относительности концлагерей и человеческих границ выносливости

(Отрывок из книги «Поезд отправляется»

www.literatur-viktor-prieb.de)

Место назначения было неизвестно. Путешествие со многими промежуточными остановками, с голодом, холодом, болезнями и опять же со многими умершими в пути длилось до поздней осени. Снаружи как-то враз все побелело и становилось все холоднее. Голодающие и мерзнущие люди мерли как мухи осенью. На следующей остановке их трупы на скорую руку закапывались самими заключенными прямо тут же невдалеке от путей.

В конце октября поезд прибыл на Урал в город Молотов¹. Ледяной ветер и мороз доканывали изможденных высаживающихся. Отец был все еще одет в свой действительно заношенный уже до лохмотьев короткий костюм от лесника, но снизу он обмотал свое тело старой бумагой, которой он еще до отъезда предусмотрительно набил свой тощий вещмешок – его, основанное на знании теплоизолирующих свойств бумаги изобретение, которое и позже всегда пригождалось ему и не раз спасало ему жизнь. Дальше шли пешим маршем.

Поезд стоял в тупике далеко от вокзала. Тут же они были согнаны в одну колонну и поползли вперед, сопровождаемые с обеих сторон вооруженными красноармейцами. За городом путь – какая-то полностью заснеженная проселочная дорога – вел в лес. В лесу было не так ветрено и поэтому казалось, что стало теплее.

Движение тоже согревало заключенных. Только это движение стоило драгоценной и почти не оставшейся энергии, а энергия стоила жизни. Время от времени в конце колонны слышались короткие, сухие выстрелы – еще один обессиленный упал в снег и получил от охраны избавление. Только к вечеру, уже в темноте, колонна достигла окруженного колючей проволокой концлагеря со сторожевыми вышками на каждом углу – их конечной цели.

Отцу удалось снова, хоть и обессиленным, но все еще живым достичь свою следующую жизненную станцию. Еще один повод быть благодарным больше себе самому, чем кому-либо другому или даже самой судьбе. В Бога он уже давно не верил, с тех пор как его глубоко евангелический Отец умер в Пришибе и он, совсем малый и тоже евангелический ребенок, должен был идти из отцовского дома в безбожный мир.

Вначале он еще тянулся к Богу и пытался понять возложенную на него Божью кару. Но эта кара становилась для его маленьких детских грехов все больше, все тяжелее и все непонятнее, пока он не перестал оправдывать Бога и пытаться понять его неисповедимые пути.

Он один был уполномочен отвечать за свою судьбу и за свою жизнь. Он только горько усмехался, когда должен был опоясаться ремнем с надписью «*Gott mit uns!*»². Большинство украшенных этими ремнями однополчан пошли

¹ сегодняшняя Пермь

² «С нами Бог!» - надпись на пряжках ремней немецких солдат

на убой и наверняка попали с их верой в Бога и с *Его* помощью в Рай под *Его* охрану. Отец предпочел *этот* грязный земной ад и *эту* грязную человеческую охрану.

Он не радовался, он только думал, достиг ли он теперь и здесь, охраняемый малорослыми, обношенными, из каких бы то ни было соображений непригодными или не допущенными к военной службе красноармейцами, среди которых большинство – эта всякий раз проникающая во всё свершающееся черная ирония судьбы – были советскими евреями, апогея этого ада. И все же жизнь – с Богом или без него – слишком иронична и слишком хороша своими неожиданностями, чтобы обменять ее на Рай с Богом. В конечном итоге человек и не может познать цену настоящего Рая, не пройдя хотя бы раз через настоящий Ад.

Уже много раз в своей жизни Отец думал:

– Ну если я это переживу, то со мной уже ничего больше не может случиться.

Он недооценивал способность возрастания сравнительной степени дьявольских ударов судьбы. Хуже могло быть еще всегда. Теперь он знал, что по-настоящему настоящего Ада он до этого еще не пережил. Заключенные валили деревья в лесу. Из инструментов у них были только двуручные пилы и топоры. Поваленные стволы деревьев они стаскивали на веревках на берег реки и складывали там в штабеля. Весной, когда река после ледохода освобождалась ото льда, бревна спускались в воду и сплавлялись к железной дороге.

Осенью стоящие по пояс в ледяной воде и вооруженные баграми заключенные должны были разбирать заторы в реке, стягивать снова в воду вынесенные на излучинах реки на берег бревна и сплавлять их дальше.

К этой отобранной из сильнейших и еще более или менее здоровых мужиков «спецчасти» принадлежал также Отец. Через две недели они были конченными людьми. Изморенное голодом, холодом и мокротой тело Отца начало опухать и синеть. Это еще два дня назад похожее на скелет тело превратилось в водяной баллон со слоновыми ногами.

– Это конец..., – думал уже почти без всяких человеческих чувств Отец.

Его организм, однако, все еще не был готов сдаться и цеплялся за жизнь с каким-то превосходящим все человеческие способности выживания упрямством. Эта сопротивляемость убедила даже лагерное начальство, и Отец был помещен в лазарет. Пара дней отдыха и чуть лучшая жратва свершили чудо и доделали остальное. Опухоль исчезла, и немного силы возвратилось назад. Через две недели он был выписан из лазарета и снова поставлен на бычью работу.

Снова на манер: «Если я уж это пережил...,» – усиленная воля справилась все же с тем, чтобы выстоять лагерь до конца. Отец потерял лишь кучу волос, почти все зубы и до конца своей жизни мог мочиться только с муками и болью.

В конце они определили Отцу место ссылки и были при этом еще даже великодушны – Сибирь же достаточно велика и почти вся равномерно чужда нормальной человеческой жизни, поэтому исполнителям приговора было, в конечном итоге, все равно, куда с Отцом, и они спросили его, есть ли у него

какие-либо особые желания или знает ли он какие-либо предпочитаемые им в Сибири места.

Одно он неожиданным для них образом знал и даже предпочитал, а именно – то, вблизи Новосибирска, где, ожидая его уже более двух лет, загибалась в таком спецпоселении его семья. Его длящаяся более трех лет военная одиссея шла, наконец, к концу, и Отец стоял, благодаря своему почти неожиданно удавшемуся плану, непосредственно перед тем, чтобы снова увидеть Семью.

Его желание учли, и поздним летом или по сибирским отношениям уже ранней зимой 1947-го возвратился он – как и обещал – «домой», назад к Семье.

*